

И. Ф. Наживин

Мужики Часть 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Н18

Н18 **Наживин И.Ф.**
Мужики Часть 3 / И. Ф. Наживин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 324 с.

ISBN 978-5-519-16353-8

Собрание сочинений И.Ф. Наживина.

ISBN 978-5-519-16353-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

МУЖИКИ

I.

К неопрятному, угрюмому зданию Нижне-карийской каторжной тюрьмы подкатил тарантасик, запряженный кругленькой и бойкой сибирской лошадкой. В тарантасе сидел тюремный врач, уже пожилой человек с усталым лицом, жидкой бороденкой с проседью и заплавленными глазами пьянчужки. Заслышав звук колес и фырканье лошадки, смотритель тюрьмы, невысокого роста, сухой, с парализованной правой рукой и душой, задавленной многочисленным семейством, вышел на крыльцо своего домика.

— Что, нашего бешеного освидетельствовать приехать изволили? — поклонившись, обратился он к врачу.

— Да. Как он? — вылезая из тарантаса, отвечал доктор.

— Плох. — пожал плечами смотритель. — Не пьет, не ест, не двигается. Умрет, тогда возись с ним.

Смотритель послал за караульным начальником, а пока оба обменивались новостями каторги. Пришел начальник, высокий, с огромными и пышными усами, которыми он, видимо, чрезвычайно гордился, и злыми глазами, которыми он „ел“ арестантов и подчиненных так, что у тех поджилки тряслись. Длинным корридором, в котором стоял отвратительный запах тюрьмы, все отправились в карцеры. На окованных железом тяжелых дверях висели огромные замки. В пыльные стекла заделанных крепкими железными решетками окон тускло смотрел день.

Смотритель сам отпер дверь одного из казематов, отворил ее и нестерпимая вонь разлагающегося трупа отшатнула всех назад. В черном мраке — окна в каземате не было — слышалось чье-то тяжелое хрипение. Смотритель зажег огарок и доктор шагнул в карцер. Это была клетка в три аршина длины и полтора — ширины. Слева были узкие досчатые нары, а справа в углу стояла шайка с испражнениями. Пол мокрый, осклизлый. На нарах хрипел человек в обмороке. По одутловатому лицу его, закрытым глазам, темной, с проседью бороде и даже в хрипевшем рте сплошной массой ползали вши.

— Послушайте — ужаснулся доктор. — Да его просто вши съели! Прикажите немедленно вынести его на воздух.

При помощи каторжных, вызванных смотрителем, больного вынесли на солнечный двор. Сине-багровое лицо с вывороченными от раздувшихся десен губами темно-багровые руки и ноги, в которые вьелось ржавое железо кандалов, грязная, сгнившая рубаха и портки и эти мириады вшей. От гниющей, разлагающейся кучи этой шел нестерпимый смрад.

— стыдно. — укоризненно бросил врач смотрителю. — Вы его заживо сгноили. Это надругательство.

— Я не виноват... — испуганно отвечал тот. — Так распорядилось начальство. Я донес, когда увидел, что он становится плох.

— Прошу вас сейчас же расковать его и поместить в лазарет — удерживая прыгающие губы, сказал доктор.

Смотритель сейчас же вызвал кузнеца. Расковать оковы было чрезвычайно трудно: долото то-и-дело срывалось в раслухшее тело. Сочилась кровь. На носилках умирающего перенесли в больницу, обмыли, переодели и положили на мойку. Весь дрожа и усиленно

кура, доктор сердито писал рапорт по начальству: это не наказание, а истязание.

— За что вы его так разделали? — все куря, спросил он смотрителя.

— За слушание. — отвечал тот уныло. — Тридцать лет вот я на каторге, а такого арестанта еще не видывал

— Кто он? За что?

— Неизвестно. — отвечал смотритель. — Не открывает себя. А у нас он за побег и за дерзость. Как только пригнали его с партией, подходит он по вызову к столу для проверки, а шапки не снимает. Начальник тюрьмы — вы знаете ведь его. — даже затрясся весь: шапку долой, мерзавец! . А тот ему в ответ: шапка не твоя, а моя — свою, хочешь, снимай, а я своей не сниму „Что?! Что ты сказал, сукин сын?!“ Да в ухо рраз! Он слетел с ног, лицо все кровью залилось, а начальник уже ногами топчет: розог! Началась порка — в кровь всего исполосовали, а он лежит, руку закусивши, да молчит. И замертво унесли его в карцер. Через три недели поднялся и на работу его, на золото, назначили. А он опять за свое: „твоя работа — ты и работай, а мне золота вашего не надобно“. Его прикладами на прииск погнали, а он на землю лег. Тогда на носилки его положили, принесли на работу, а он опять там лег и целый день так без пищи и пролежал. Вечером домой итти, а он вставать не хочет: „мне и здесь хорошо. А нужно вам в тюрьму опять меня посадить, вы и отнесите. “ Опять до полусмерти отодрали. А отлежался опять, опять к начальству поволокли. А там все уже приготовлено было: караул под ружьем, все арестанты для острастки собраны и все начальство тут. Вывели его в кандалах. И началось: шапку долой, мерзавец! А тот водит это глазами

своими да громко так, чтобы все слышали: „шапка не твоя, а моя — хошь, свою снимай. .“ Те только того и ждали: плетей! И началось. Начальство просто из себя выходит: „Сашка, — кричат это палачу -- три целковых на водку: утешь! “ Изорвали всего в клочья и бросили вот в этот каземат.

Доктор, весь белый, чувствовал, что руки и ноги его похолодели, а во рту появился отвратительный вкус. И, повесив голову, он вышел из больницы.

Месяца через два больной начал приобретать человеческий облик. У него была сильная цынга: кровоточивые десны безобразно распухли, зубы шатались и по опухшему телу краснели везде подтеки. Он не стонал, не жаловался, а лежал с закрытыми глазами или в потолок смотрел и все что - то думал. Потом садиться на кровати стал, а потом и на крылечко, на солнышко выходить.

— Ну, как себя чувствуешь? — спрашивал его иногда доктор.

— Не твое это дело... — отвечал арестант. — Ты за собой смотри, а я за собой смотреть буду.

Но доктора не отпугивала суровость этого странного мужика. Он боялся только, как бы бродяга не попал опять как на глаза начальству: опять все началось бы сызнова. И больной чувствовал заботы врача, и потихоньку стал оттаивать.

— Да ты скажи мне, кто ты. — спросил его раз доктор, выслушав его впервые. — Я начальству ничего не скажу.

— Кто я? Человек. — отвечал арестант. — А начальства твоего я не боюсь нисколько...

— А откуда ты?

— Откудова все. — отвечал тот. — А рязанский я или казанский, какая в том разница? Люди везде люди.

— Ну, хорошо... — сказал кротко врач. — Я вижу, что у тебя какая-то вера своя — может быть, ты мне скажешь, в чем твоя вера...

— Вера моя самая простая — охотно отвечал тот. — Вера моя в том, что ты сам по себе, а я сам по себе, что я живу не по указу, не по приказу, а по своему. И все древние люди так жили, а потом уже пошли разные указы и приказы Моисеевы: живи не так, как тебе хочется, а вот как он, благодетель, укажет. А я не желаю по его указу жить, потому что он такой же человек, как и я, и ему не дано указывать мне. Ты вот наемник и делаешь, что тебе прикажут. Когда человека плетями рвут, ты чуть не реवेशь вот, — я ведь вижу — а все-таки на свое дело идешь. А я не пошел бы. Больных лечишь, убиваешься, а вылечишь, опять их в тюрьму сажают. Где же тут правильность? Надо делать так, как думаешь. Убить, ограбить, украсть, обмануть, вреду какую человеку делать это грех, а жить по-своему никакого греха нету. Места хватит всем и пушай всякий по-своему живет. Вон начальству золота надо и оно заставляет каторжных копать его, а мне его не надо и я копать его не буду. Они заковали меня в цепи, бьют, мучают — их сила. А все таки они сами по себе, а я сам по себе и моего я им не отдам.

Вдруг на тюремном дворе началась какая-то тревожная суeta.

— Что у вас там такое? — крикнул доктор встревоженному смотрителю. — Что случилось?

— Великий князь Алексей Александрович, рассказывают, по Сибири едет и не сегодня завтра у нас будет — на бегу отвечал тот. — Вы, доктор, хоть прибрали бы куда вашего больного, а то опять скандал на всю каторгу пойдет.

— Совсем не нужно куда убирать меня. — сказал

арестант. — Я не съем его, твое высочество-то, — он только меня не съел бы.

— Ну, вот. . — махнул рукой смотритель. — С ним так влопаешься, что жизни своей рад не будешь.

— Ты, в самом деле, лучше не показывайся им. — мягко сказал доктор. — А я так уж устрою, чтобы они к тебе не лезли.

— Совсем напрасно беспокоишься ты так. . — спокойно сказал арестант. — Они сами по себе, а я сам по себе.

Тюрьму всю ночь чистили и приводили в порядок. И прилетел сухопутный адмирал с огромной свитой. Конвойная команда брякнула винтовками и прокричала, как полагается, гав-гав-гав-гав-гав. “, начальство цепенело в священном ужасе и вдруг бродяга появился на больничном крыльце, как всегда, в истасканной шапченке своей и молча смотрел на торжественное шествие сухопутного адмирала по каторжной тюрьме.

— А это что за человек? — спросил его высочество.

— Это это. . — начал заикаться начальник тюрьмы и вдруг нашелся: — Это — сумасшедший, ваше императорское высочество.

— Но почему же он тогда в тюрьме? — удивился его высочество.

— Он пока на испытании, ваше императорское высочество. — врал, весь в поту от ужаса, начальник. — На днях отправим.

— Не понимаю, чего вы вообще его тут держите, раз он сумасшедший. . — слегка поднял вверх свои золотые эполеты сухопутный адмирал.

— Ты сам сумасшедший. — громко сказал арестант. — А никто вот тебя не запирает. .

А арестант сидел тем временем у лунного окна и наслаждался тишиной. Из соседнего покоя доносился тяжелый кашель больного чахоткой татарина Мубаракши. . . И тихо и печально вставали в замкнутой душе бродяги воспоминания о прежней жизни: Раменье с его развесистыми деревьями, старики, Вера погибшая ни за что, Кирюша благоприятель, монастырь старый. . . А потом холодный ужас суздальского застенка. И там, в застенке, он понял, что единственное спасение его — не покоряться мучителям ни в чем. В Сибири он три раза уходил с места поселения, его ловили, пороли и вот прислали сюда на пять лет. Но он не покорится им и здесь.

В коридоре послышался мучительный, душу выворачивающий кашель чахоточного татарина и шарканье стоптанных туфель. В двери встал смутный силуэт и бледное лицо с темными впадинами глаз.

— Что, не спится, Мубаракша? — мягко спросил бродяга.

— Не можем спать. — тоскливо отозвался татарин.
— Хоть бы помирать нам поскорее. А ты что не спишь? . .

— Я всегда мало сплю. — сказал бродяга. — Иди сюда, посидим. Вдвоем все тебе поохотнее будет.

Мубаракша очень был по душе бродяге своей учтивостью, благообразием и какою-то удивительной тишиной души.

— Спасибо. — сказал татарин. — Посидим, побалакаем.

И он, шаркая ногами, тихонько вошел в комнату. Где-то за стеной красиво и торжественно в лунном молчании ночи поднялся хор:

Научи, Господь, смиренность,
Научи прощать врагам
Как мы всем прощаем людям,
Так прости, Господь, и нам . .

Оба затаились, слушая... То пели малеванцы, сектанты из Киевской губернии, стремившиеся построить свою жизнь на началах евангельских и за то сосланные в каторгу.

И любви священный пламень
В нас зажги, Спаситель, вновь,
Чтобы всяк, кто черств, как камень,
Мог познать твою любовь...

А за черной стеной, в лунном сиянии, шла пере-
кличка часовых:

— Слуша - а - ай!..

II.

— Давно замечаю я, брат, что тоскуешь ты все... — сказал Борис, положив руку на худое плечо татарина. — Тосковать не надо Ты вот татарский мужик, я окшинский мужик, а сошлись ночью и будем говорить по душам. За что попал ты им в когти - то, расскажи мне.

— Слуша - а - ай!.. — поднялось и уныло умерло в лунном сумраке.

— Слуша - а - ай!.. — отозвался в ночной тишине другой голос, подальше.

— Слуша - а - ай!.. — чуть слышно прозвенело вдали.

— Солдатом служить я не захотел... — отвечал Мубаракша глухим голосом со своим характерным татарским акцентом. — Призвали это они меня в присутствие, а я говорю: не можем мы убивать людей, потому мы — воин Божьего Полка и должны служить людям, а не мучить их Ну, посмеялись они надо мной и отправили меня в 38 - й Тобольский пехотный полк, который в Скерневицах, в Польше, стоит. Велели мне взять винтовку, а я опять объясняю им, что не могу я по нашему закону кровь проливать. Тогда под военный суд они меня отдали. И вот вышли судьи и стали приговор свой читать, что вот казанский татарин, Мубаракша - Гадильша - Оглы - Булгари нас не слушает и мы приговариваем его за то на два года в дисциплинарный батальон. И отправили меня в город Воронеж, в дисциплинарный батальон этот. У - у, страшный место!.. — воскликнул тихонько молодой татарин, весь содрогаясь. — У - у, какой место!.. До